

Шик А. «Иванов» Чехова в постановке Жака Моклера // Русская мысль. Париж, 1956. 27 декабря. № 996. С. 5.

„ИВАНОВ“ ЧЕХОВА

В ПОСТАНОВКЕ ЖАКА МОКЛЕРА

ПОСЛЕ «Платонова» сейчас идет в Париже в прекрасном переводе Ивны Гурфвинкель и поставившего пьесу Жака Моклера и «Иванов» в театре «Alliance Française», 101, Бульвар Распай.

«Герой» Чехова Иванов — «лишний человек», как он сам себя определяет. Отчего он, когда-то студент, говоривший либеральными плеями, потом горячий работник земства и редактор крестьянских интересов, стал таковым, он не знает сам, не знает этого и автор, в ряде неловко влюченных в действие монологов, поясняющих фигуру Иванова, так до конца не узнают и зрители. Бывший идеалист, земский работник, женившийся на крещеной еврейке, измученный тем, что ее ругает «жидовкой», не находит себе ни занятий, ни места и в 35 лет чувствует себя стариком, отжившим и ни на что более не способным, почему и завершает пьесу единственным, оставшимся ему действием — самоубийством.

Жак Моклер очень выукло создает образ этого «глубоко антипатичного человека», как его аттестует выведенный Чеховым «счастливый», но не умный врач, от первого своего появления на сцене до последней минуты не упускающий случая, чтобы упрямить Иванова в его необъяснимом, убивающем больную чахоткой жену отношении к ней. И эта фигура, как и сам Иванов Чеховым не оправдана, то ли он действует по молодости в горячности, то ли по неосознанному влечению к белой боли, «очаровательному существу», как ее справедливо называет дядя Иванова, измучившийся граф Шабельский.

Лозе Беллон в роли несчастной страдания обожавшей своего обманувшего ее надежды мужа своим огромным шадом, тем накопившимся в ней страданием, которое молодая артистка сумела дать почувствовать зрителям, произвела сильнейшее впечатление на публику, действительно замершую в шаву, создавшуюся под влиянием после окончательного ее объяснения с мужем. Это была высокодраматическая минута, незабываемое сценическое достижение Лозе Беллон и Жака Моклера.

Великолепны у Чехова все бытовые моменты пьесы, которые постановщик и актеры сумели блестя-

ше претворить. «Второй акт», в гостиной Лебедевых, с чаепитием и игрой в карты, третий в кабинете Иванова, где за его столом расположились дядя-граф управляющий и Лебедев, закусывая за колкой — совершенно восхитительны, и декорации Рене Аллио, и костюмы Кристиан Кост, и вся мизансцена, и игра здесь выше всякой похвалы. Люсьен Ромбур — пьяница Лебедев, колоритный по существу добрейший, попавший под строгую руку своей расчетливой жены русский помещик, и Жан-Жак Стен — дубаха-парень, управляющий имением, полный избытка энергии и комбинаций, особенно, Харри-Макс — стареющий граф, побывавший в Париже и сохранивший гордые замашки при всей своей бедности и пикантности, создали очень цельные и запоминающиеся образы, по-своему тоже «лишних» людей, избранных Чеховым действующими лицами его пьесы.

Ирен Сержни, молоденькая актриса, которую мне еще не приходилось видеть и в которой я склонен чувствовать русское происхождение, с увлечением и искренностью сыграла Сашеньку, проявившую из Иванова своим самопожертвованием снова сделать человека полезного и живого. Все остальные, каждый на своем месте, вносили нужные детали для создания приятного Чеховым уголка провинциальной помещичьей России, помогая ловким усилением тому успеху, который на генеральной репетиции увенчал старания постановщика и всей труппы.

Александр Шик